

18+

Марин Пюль

Травитация сердца — 2

Торькая хвоя

Марин Поля
Гравитация сердца — 2.
Горькая хвоя

<https://litres.ru/74544029>

ISBN 9785007135122

Аннотация

Уральский посёлок, 1980-е годы. Чистая любовь Вари и Егора сталкивается с жестокостью и местью отвергнутого парня, чья подлость разводит их орбиты. Впереди у героев — травмирующие тайны, испытание большим городом и огненный ад Афганистана. Но истинное чувство обладает мощной гравитацией. Смогут ли они пройти сквозь годы разлуки и сохранить верность?

Содержание

ГРАВИТАЦИЯ СЕРДЦА 2	5
Предыстория	5
Глава 1. Когда молчат земные реки	8
Глава 2. Когда земля пахнет дымом	13
Глава 3. Ледяные шрамы у порога	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гравитация сердца — 2

Горькая хвоя

Марин Польш

Дизайнер обложки Марина Полиц

© Марин Польш, 2026

© Марина Полиц, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3512-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-3511-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГРАВИТАЦИЯ СЕРДЦА 2

Горькая хвоя

Предыстория

В основе этой саги лежит «гравитация сердца» — слепая сила человеческого притяжения. В Караганде 1975 года мир Лидии и её девятилетней дочери Вари рушится из-за предательства близкого человека. Спасая раненую дочь от кошмара прошлого и наряда милиции, её отец, шахтёр Михаил, идёт на отчаянный шаг — угоняет маневровый тепловоз, который на полной скорости врежется во встречный состав. Михаил выживает, но стальной осколок навсегда калечит его плечо.

В больнице вскрывается ещё одна грязная тайна: его трёхлетний сын Антошка, ради которого он когда-то оставил Лидию, оказывается чужим ребёнком — подменой расчётливой мачехи Ирины. Отрезав фальшивое прошлое, семья навсегда уезжает под Пермь, чтобы начать всё с чистого листа. Спустя 14 лет выросший Антон Кряжев приезжает на Урал искать «отца-героя», где на завалинке старого дома сталкивается с выстраданной кровью правдой. Ложь отступает, уступая место тишине. Но в 1994 году старая гравита-

ция прошлого готова запустить новый, ещё более опасный виток судьбы...

Глава 1. Когда молчат земные реки

Все обиды мира рано или поздно равняет земля. Лидия поняла это в тот самый день, когда на их уральский адрес пришёл казённый, пахнувший дешёвым клеем конверт из Караганды. На дворе стоял конец семидесятых, пермская тайга за окном глухо и мерно шумела вековыми лапами, баюкая их бревенчатый дом на окраине посёлка, а в руках Лиды дрожал листок со штампом следственного отдела.

В тот вечер они долго сидели на кухне. Пузатый алюминиевый чайник давно остыл на газовой плите, но ни Михаил, ни Лида не прикоснулись к нему. Четыре года они по крупницам собирали свою разрушенную крепость, строили жизнь на новом, чистом месте, укрывая девятилетнюю Варю от теней

прошлого. И вот прошлое настигло их самым страшным, непоправимым образом.

Ирины не стало.

Михаил сидел у окна, низко опустив седеющую голову. Его правое плечо, раздробленное стальным обломком обшивки в той памятной железнодорожной катастрофе, заметно ныло к непогоде, но сейчас он не чувствовал этой физической боли. Внутри него ворочалась глухая, искренняя человеческая жалость. Смерть Ирины в один миг стёрла, смы-

ла всю ту грязь, измену и фальшь, что разделили их в Караганде. Михаил помнил время, когда они были по-своему счастливы, пока в их семейный очаг не вмешалась материна рука со своим холодным, расчётливым высокомерием.

— Ну как же так, Лидочка? — тихо, с

хрипом выдохнул Михаил, и его натруженные, иссечённые подземным трудом пальцы судорожно сжали край стола. — Кассиром ведь устроилась в центральный гастроном... Честно работать хотела. И в один день всё под откос.

Лида подошла со спины, мягко положила ладони на его сутулые плечи. В её огромной, всепрощающей материнской душе не было места злорадству.

— Беда не спрашивает, Миша, — негромко ответила она. — Налётчик, видать, безбашенный попался. Сразу дуло пистолета на неё навёл, а Иришка, верно, испугалась, замешкалась у кассы. Он и нажал на курок... Господи, прости её грешную душу.

Но страшнее гибели Ирины было то, что осталось после неё. Тот самый сожитель — начальник автобазы, ради

которого Ирина когда-то разрушила их брак, — оказался человеком мелким и трусливым. Стоило случиться трагедии, как он моментально открестился от трёхлетнего Антошки. Мальчишка не был ему родным — Ирина в своё время подсунула Михаилу трёхмесячную беременность, выдав

чужого ребёнка за его кровь. Оставшись один, отчим просто выставил сироту вон, грозясь сдать паренька в приёмный распределитель.

Лида тогда сама собрала Михаилу чемодан. Она посмотрела на мужа своим прямым, честным взглядом и твёрдо сказала:

— Собирайся, Миша. Едем в Караганду. Мальчишка ни в чём не виноват. Нельзя живую душу в казённых стенах гноить. Грехи взрослых на детей перекладывать не станем.

Они вырвали Антошку из холодного

детского приёмника и увезли на Урал. Малыш был так мал, что почти не запомнил Караганду, суетливые вокзалы и плачущую мать. Для него пермская тайга, этот крепкий дом и, главное, Лида стали единственной настоящей реальностью. С самых первых дней, едва научившись толком говорить, Антошка потянулся к Лиде и назвал её самым главным словом: «Мама». И Лида приняла его, окружив такой теплотой, словно это была её собственная, родная кровь.

Михаил тогда окончательно порвал с прошлым. В забой проходчиком из-за покалеченной руки он вернуться уже не мог, и на местной лесопилке его приняли обыкновенным слесарем. Деревенские поначалу посматривали настороженно — приехал хромой чужак с оравой детей, девкой-молчуньей и приёмным пацаном. Но у Михаила были золотые руки и суровый,

проходческий характер. Если он брался за дизель или пилораму — машина начинала петь. Он справлялся с любой поломкой, никогда не гнулся перед трудностями, и вскоре карьерная лестница сама пошла под его ноги. Из слесарей его двинули в мастера, затем в старшие механики. Жизнь семьи удалась. Они построили просторную баню, обзавелись крепким хозяйством, а Лида шила на заказ для всей округи, став первой мастерицей в районе.

Окончательную точку в той карагандинской драме поставила встреча, о которой Михаил долго не мог забыть. Это случилось за год до окончательного отъезда с прежних мест, когда он ненадолго возвращался в Казахстан по делам. На пыльной привокзальной аллее его окликнул тихий, дребезжащий голос.

Михаил обернулся и едва узнал

Клавдию Петровну. Старуха, когда-то грозная, сытая и властная, теперь казалась совсем высохшей, согнутой к самой земле. Она медленно переставляла ноги, тяжело опираясь на деревянную тросточку. Лицо её было бледным, а в глазах горели горькие, запоздалые слезы.

— Мишенька... погоди, не уходи, — прошамкала она, ловя его за рукав рабочей куртки. Старуха плакала — трусливо, мелко, каялась перед ним прямо посреди улицы. — Извини ты меня, дуру старую... Христа ради извини. Ведь я

всё это устроила. Думала, ты моей Ирочке не пара. Простой рабочий, слесаришка, шахтёр... Всё богатого зятя ей искала, статуса хотела, кооперативов! А в итоге... своими руками доченьку родную под откос пустила. Сгубила я её, Миша! Сгубила!

Михаил тогда не стал вырывать рукав. Он посмотрел на её дрожащую тросточку, на седые пряди, выбившиеся из-под платка, и тихо вздохнул. Бог ей судья. Жизнь сама всё расставила по своим орбитам, наказав тех, кто строил своё благополучие на чужом несчастье.

Время текло незаметно, словно талая вода в таёжных реках, унося воспоминания о Караганде и приближая пору, когда детям суждено было сделать первые шаги во взрослую жизнь.

Глава 2. Когда земля пахнет дымом

Сентябрь 1983 года выдался на Урале сырым, пронзительным и ранним. Вековые пермские ели стояли угрюмыми тёмно-зелёными великанами на фоне свинцового,

налитого дождём неба, а березы уже всю роняли тяжёлое, мокрое золото в раскисшую колею дорог. Тайга вокруг совхозных полей дышала дремуче и глубоко: по утрам из низин поднимались густые, парные туманы, пахнувшие палой хвоей, остывающей речной водой и горьковатым увяданием таёжного разнотравья. Воздух был настолько чистым и ледяным, что от каждого вздоха сладко кололо в груди. По давней советской традиции занятия в районной школе отменили на две недели — старшеклассников, едва переступивших порог выпускного десятого класса, бросили на помощь колхозу, на уборку моркови.

Огромное поле за окраиной посёлка казалось бескрайним, зажатым между стеной молчаливого леса и серыми коробками совхозных силосных башен. По заиндевшим ме-
жам, зябко

кутаясь в старые штормовки и отцовские фуфайки, уныло бродили школьники. Ветер безжалостно швырял в лица колючую водяную пыль, под ногами чавкала жирная, подат-

ливая уральская грязь, а над полем плыл сизый, удушливый дым от костров, в которых жгли мокрую, пахучую ботву.

Работа была тяжёлой, липкой и монотонной. Но уральская земля таила в себе удивительное сокровище. Стоило потянуть за пожухлый, тёмно-зелёный резной хвост и с усилием вывернуть плотный ком грязного грунта, как на свет являлась морковь — крупная, ядрёная, налитая сочной, почти неоновой оранжевой спелостью. Омытая ледяным сентябрьским дождём, она горела на чёрной земле яркими, тёплыми угольками, словно наперекор этой наступающей осенней

стуже. Но эта красота давалась недешево: пальцы каменели от холода, въедливая чёрная земля намертво забивалась под ногти, а от вечного таскания вёдер к вечеру ломило поясницу так, что парням хотелось выть.

Семнадцатилетняя Варя работала особняком. Своё ведро она наполняла молча, методично, упрямо не прося ни у кого помощи. Её ледяная стена одиночества, выстроенная за годы после Караганды, надёжно защищала её здесь от чужих расспросов и глупых шуточек. Она казалась частью этой суровой уральской природы — такой же гордой, закрытой и недоступной для случайного прохожего. От той испуганной девочки, которая панически забивалась в угол за сервантом, внешне не осталось и следа. Варя выросла статной

красавицей с тяжёлой русой косой ниже пояса и глубоким

взглядом серых глаз, но к мужчинам не подпускала никого.

— Ну чего ты копаешься, Варька? — Витя, наглый председательский сынок, крутился рядом. Работал он спустя рукава, больше пинал грязные комья земли носком сапога, но от Вари не отходил ни на шаг. — На дворе темнеет уже, ПА-Зик за нами приехал. Давай помогу, что ли? Довезу на мотоцикле до дома, батя разрешил взять.

— Не надо, Витя. Я сама, — сухо отрезала Варя, даже не разгибая спины.

Она подняла с земли старый, размокший от сырости деревянный ящик, доверху наполненный тяжёлой, грязной, пылающей оранжевым огнём морковью. Сжав зубы от натуги, Варя понесла его к стоявшему у края поля совхозному грузовику ГАЗ-53, из

выхлопной трубы которого с грохотом вырывался сизый дым. До машины оставалось всего три шага, когда гнилые, разбухшие от влаги доски не выдержали.

Раздался сухой, трескучий хруст. У ящика прямо на ходу полностью вылетело дно.

Яркие оранжевые плоды с глухим стуком посыпались в вязкое чёрное месиво под ногами, пачкая подол Вариной штормовки. Девчонки из её класса захихикали, а Витя громко хохотнул, засунув руки в карманы:

— Ну вот, доносились, гордая! Теперь собирай до полуночи свою грязь!

Варя замерла. Обида, жгучая и горькая, подступила к самому горлу. Пальцы судорожно сжали пустые деревянные боковины ящика. Ей до безумия захотелось бросить всё, развернуться и убежать в тайгу, подальше от

ухмыляющихся лиц, но ноги словно приросли к уральской земле.

— Да разве ж так можно, граждане десятиклассники? Мужчины стоят, ласы точат, а девчонка надрывается, — раздался вдруг из кабины грузовика спокойный, весёлый и удивительно надёжный голос, легко перекрывший рокот мотора.

Дверца ГАЗа с грохотом распахнулась. Из неё, легко спружинив на грязную стерню, выскочил Егор. Девятнадцатилетний парень, который работал помощником водителя и приехал в совхоз на практику от Пермского техникума, выглядел совсем не так, как деревенские ребята. В его широких плечах, уверенных движениях и открытом лице сквозила та самая спокойная, мужская сила, которая с первого взгляда внушала доверие. Он был в засаленной

шофёрской куртке, кепка сдвинута на затылок, но серые глаза смотрели удивительно чисто и строго.

Егор молча подошёл к Варе. На глазах у притихшего Вити он без лишних слов опустился на колени прямо в грязное месиво поля. Его длинные, крепкие пальцы начали быстро и бережно собирать рассыпавшуюся, измазанную землёй мор-

ковь обратно в ведро. Он поднял голову, посмотрел на Варю снизу вверх — открыто, без тени насмешки или жалости — и тихо, ободряюще улыбнулся:

— Не переживай, Варька. Всё до единой соберём. Дело-то житейское.

В эту мимолетную секунду Варя впервые почувствовала, как её ледяная защитная стена дала глубокую трещину. Этот чужой парень не побоялся испачкать колени в грязи ради неё. В его голосе не было наглости Вити, не было угрозы —

только спокойная, незыблемая защита, похожая на надёжное отцовское крыло.

— Спасибо... Егор, — тихо, едва шевеля губами, выдохнула она, тоже опускаясь рядом. На мгновение её пальцы коснулись его руки, и сквозь ледяную сырость уральского поля её обожгло удивительным, живым теплом.

Они собрали всё за пару минут. Егор сам подхватил тяжёлое ведро, легко закинул его в кузов грузовика и, повернувшись к притихшему классу, твёрдо скомандовал:

— А ну, орлы, прыгайте в кузов, пока дождь не припустил! Довезу с ветерком, обогреватель в кабине на полную включу.

Весь оставшийся сентябрь они постоянно встречались взглядами на совхозном поле, у костров и на раздаче обедов. Егор то и дело оказывался рядом: то подбросит Варе сухих дров

для костра, то незаметно подставит своё плечо, когда нужно было грузить мешки. Между ними росло то самое необъяснимое, магнетическое притяжение. Гравитация сердца столкнула их орбиты на этом грязном, тяжёлом поле под серым пермским небом, среди увядающей таёжной красоты, связав Варину юность с этим надёжным парнем. Именно эта первая встреча, пахнувшая дымом, ледяным ветром и сочной спелостью уральской земли, стала началом их общей истории.

Глава 3. Ледяные шрамы у порога

Январь 1984 года сковал пермскую тайгу глухими, оглушительными морозами. На сотни километров вокруг посёлка лесозаготовок тянулись заснеженные делянки: днём там глухо

рокотали трактора-трелёвочники, звенели пилы и пахло свежей сосновой щепой, но к вечеру работа затихала, и на Урал опускалась звенящая стужа. Вековые ели стояли неподвижно, укутанные в тяжёлые снежные шубы, а по вечерам над тёмными макушками леса разгоралось далёкое, ледяное небо, усыпанное колючими звёздами. Тишина стояла мёртвая — лишь изредка в морозном воздухе раздавался резкий треск лопающихся от стужи брёвен. Окраина посёлка, где высился крепкий бревенчатый дом Кряжевых, по самые окна утопала в синих сугробах. Внутри дома топилась печь, но именно у этого тёплого порога Варю подстерегла новая беда.

Зимой в таёжных краях темнело рано и стремительно. Варя возвращалась домой из школьной библиотеки одна, зябко кутаясь в пуховый платок и

прижимая к груди связку книг. Снег пронзительно и громко скрипел под её фетровыми сапожками. До родной калитки оставалось всего два десятка метров, когда из густой тени

старой раскидистой ветлы у дороги бесшумно выросли три фигуры.

Варя замерла, и её сердце пропустило удар. Возглавлял компанию Витя. Сын директора самого леспромхоза — человека, который держал в кулаке всю местную заготовку леса и от которого зависела работа всей округи, — сегодня был сильно наглей обычного. От него разило дешёвым портвейном, а в сузившихся глазах горела глухая, мстительная злоба. Рядом ухмылялись двое его верных дружков-девятиклассников, готовые во всём потакать вожаку. Вите до смерти надоело, что пацаны на делянках втихомолку посмеиваются: мол, хозяйский сын, перед отцом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.